

Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени

Воспроизводится по изданию: Н.М. Карамзин. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964.
Оригинал здесь - <http://www.rvb.ru>

Все те, которые имеют счастье мыслить и судить беспристрастно, должны согласиться, что никакое время не обещало столько политического и нравственного благоденствия Европе, как наше. Революция объяснила идеи: мы увидели, что гражданский порядок священ даже в самых местных или случайных недостатках своих; что власть его есть для народов не тиранство, а защита от тиранства; что, разбивая сию благодетельную эгиду, народ делается жертвою ужасных бедствий, которые несравненно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти; что самое турецкое правление лучше анархии, которая всегда бывает следствием государственных потрясений; что все смелые теории ума, который из кабинета хочет предписывать новые законы нравственному и политическому миру, должны остаться в книгах вместе с другими, более или менее любопытными произведениями остроумия; что учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакою силою ума; что одно время и благая воля законных правительств должны исправить несовершенства гражданских обществ; и что с сею доверенностию к действию времени и к мудрости властей должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и делать все возможное добро вокруг себя.

То есть Французская революция, грозившая испровергнуть все правительства, утвердила их. Если бедствия рода человеческого в каком-нибудь смысле могут назваться благодетельными, то сим благодеянием мы, конечно, обязаны революции. Теперь гражданские начальства крепки не только воинскою силою, но и внутренним убеждением разума.

С самой половины осьмого-надесять века все необыкновенные умы страстно желали великих перемен и новостей в учреждении обществ; все они были в некотором смысле врагами настоящего, теряясь в лестных мечтах воображения. Везде обнаруживалось какое-то внутреннее неудовольствие; люди скучали и жаловались от скуки; видели одно зло и не чувствовали цены блага. Проницательные наблюдатели ожидали бури; Руссо и другие предсказали ее с разительною точностию; гром грянул во Франции... Мы видели издали ужасы пожара, и всякий из нас возвратился домой благодарить небо за целость крова нашего и быть рассудительным!

Теперь все лучшие умы стоят под знаменами властителей и готовы только способствовать успехам настоящего порядка вещей, не думая о новостях. Никогда согласие их не бывало столь явным, искренним и надежным.

С другой стороны, правительства чувствуют важность сего союза и общего мнения, нужду в любви народной, необходимость истребить злоупотребления. Почти на всех тронах Европы видим юных государей, деятельных и ревностных к общему благу. Революция была злословием свободы: правительства, не хвалясь именем, дозволяют гражданам пользоваться всеми ее выгодами, согласными с основанием и порядком общества. Революция обещала равенство состояний: государи вместо сей химеры стараются, чтобы гражданин во всяком состоянии мог быть доволен; чтобы некоторое не было презрительным или угнетенным. Будем справедливы: где теперь добрый человек не может наслаждаться безопасностию? Свирепствует ли где-нибудь тиранство в Европе, если исключим Турцию? Не везде ли обещают наукам покровительство? Не везде ли начальства желают способствовать успехам воспитания и просвещения, которое есть не только источник многих удовольствий в жизни, но и самой благородной нравственности; которое образует мудрых министров, достойных орудий правосудия, сынов отечества в семействах, рождая чувства патриотизма, чести, народной гордости; и без которого люди служат только одному идолу подлой корысти. Государи, вместо того чтобы осуждать рассудок на безмолвие, склоняют его на свою сторону. Будучи, так сказать, вне обыкновенной гражданской сферы, вознесенные выше всех низких побуждений эгоизма, которые делают людей несправедливыми и даже злыми; наконец, имея все, они должны и могут чувствовать только одну потребность: *благотворить* и, смотря на всякого гражданина, думать: "Я заслужил любовь его!"

В самой литературе, которая столь сильно действует на умы, видим мы полезное следствие революции. Прежде сей эпохи всякая дерзкая книга была модною: ныне, напротив того, писатели боятся оскорбить нравственность, ибо перед всяким жива картина бедствий, произведенных во Франции развратом; даже в самых дурных романах соблюдается какая-то благопристойность и уважение к святыне нравов: ибо сего требует счастливое расположение умов и сердец. Вольтер не мог бы ныне прославиться некоторыми насмешками, Буланже - педантством, Ламетри - безумием. Литература, более нежели когда-нибудь способствуя истинному просвещению, обратилась ныне к утверждению всех общественных